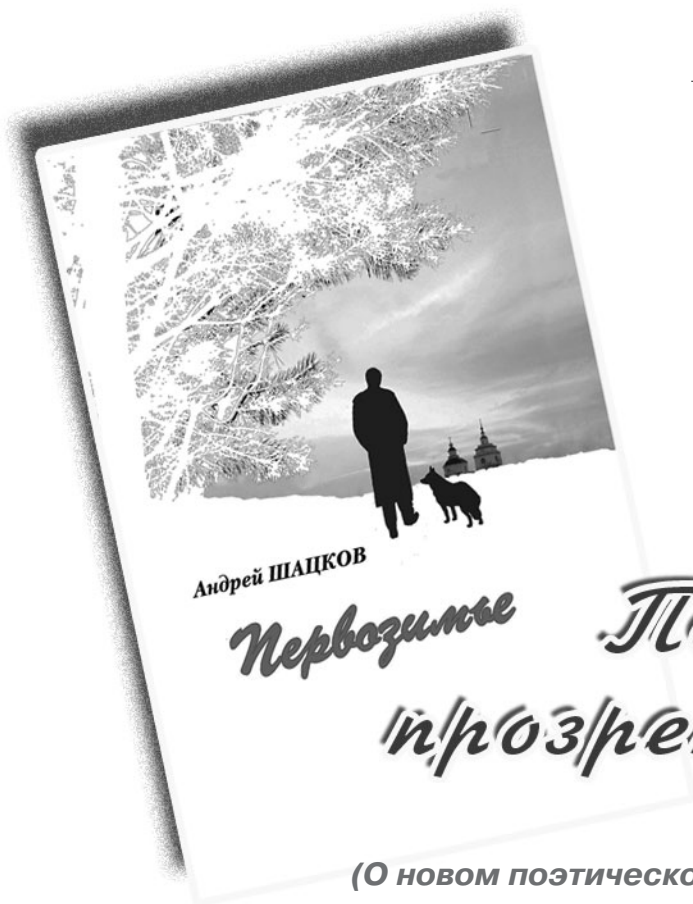

Геннадий МОРОЗОВ

Санкт-Петербург – Касимов

Андрей ШАЦКОВ

Первозимье

*Поэт несет
и прозренья бремя*

(О новом поэтическом сборнике Андрея Шацкого
«Первозимье» издательства «Вест-Консалтинг»)

Поэзия Андрея Шацкого дорога мне прежде всего тем, что она в глубинной своей сути – духовна и лирична. Его стихи я всегда перечитываю. А перечитывая – с каждым разом открываю то потаённое, почти мимолётное, что ускользнуло при первом прочтении, ибо стихи нашего автора обладают множеством оттенков его живого поэтического слова. Это подлинная, самородная поэзия. А она для меня как неразгаданная тайна, магия и волшебство. Я замер, читая:

*Женщина забудет про печали,
Женщина с другим под новый год
В облаке из белоснежной шали
Выйдет прогуляться у ворот.*
(«Прощальное»)

Именно последние две строчки в полной мере подтверждают эту мысль о магии, тайне и волшебстве поэзии Андрея Шацкого. Не побоюсь дополнить: и очаровании.

Да, он для меня поэт чарующий, многокрасоч-

ный и многозвучный. Я открыл его сначала по журнальным публикациям. И сразу почувствовал, что за каждым стихотворением стоит сильная творческая личность. Крупный и яркий художник слова. Я еще раз убедился в этих определениях, читая его новый сборник «Первозимье», вышедший в Москве в 2017 году в издательстве «Вест-Консалтинг». Удивился разнообразию тем и сюжетов этой редкой в художественном отношении книге.

Для каждого раздела сборника (а их несколько) стихи подобраны автором тщательно и со вкусом, что придало книге своеобразное полифоническое звучание. И это радует, ибо автор обладает чутким слухом на поэтическое слово. Он его слышит и чувствует сердцем и душой во всем его объёмном многообразии.

Раз уж зашел у нас разговор о художественном слове, то наш автор тонко умеет совмещать звучание современной поэтической лексики с лексикой старинной, чьи корни таятся в прошлых веках, скажем в церковных текстах. И что харак-

терно: Андрей Шацков чётко знает чувство меры таким совмещениям:

*Над Окою чайкой белоснежной
Промелькнёт изгиб её руки.
Свете тихий, свете безмятежный
Пролился на таинство строки.
(«В день Успенья»)*

Как здесь уместно это повторение: «Свете тихий, свете безмятежный». Буквально осязаемое небесное дуновение ощущается в этом пластическом повторе.

В первом разделе книги «Усталые снега» помещены именно те стихи, которые, как мне кажется, послужили неким камертоном в общем стихотворном многоголосье остальных разделов сборника. Это прежде всего такие стихи, как «Прощальное», «Снегопад», «Крещенский ноктюрн у истоков Рузы», «Реквием задержавшейся зиме», «Канон марта», «И будет март». Из этого стихотворения хочется процитировать строфу, наполненную сдержанным чувством искреннего любовного порыва:

*И сменит тяжесть шубы – пальтецо,
Твой абрис очертившее упруго.
И волосы твои в мое лицо
Отбросит ветер, прилетевший с юга.
(«И будет март»)*

Читая стихотворение «В сумерках года», вошедшее в раздел «Усталые снега», я вспомнил знаменитое есенинское «Собаке Качалова». С такой же трепетной нежностью запечатлел Андрей Шацков образ своей любимой собаки – синеглазой Алисы. Кроме того, он наполнил стихотворение скорбно-просветленным воспоминанием о своей маме. Ее живое присутствие ощущается буквально физически, хотя она несколько лет назад покинула белый свет. Но чем дальше отодвигается время ее ухода, тем острее ощущает поэт ее отсутствие. Она всегда была для него той нравственной и духовной опорой, которая укрепляла его волю и характер в самые сложные, переломные моменты, как земной, так и творческой жизни.

О маме его лирический герой тоскует и страдает всегда, напоминая читателю о священном семейном долге перед родителями. Обратите внимание, дорогие читатели, вот на эти цитируемые строки из этого замечательного стихотво-

рения и вы еще раз убедитесь, как органичен, живописен и интеллектуален поэтический дар Андрея Шацкова:

*Зачерпнули пади студень мрака,
Зацепили сосны клочок небес.
Спит без задних ног моя собака
И скулит во сне про синий лес,
Где пришлось с утра в сугробах лазать,
Живность разгоняя по кустам.
Спи, мой друг, верна, голубоглаза,
Спи, моя святая простота.
Со своими синими глазами,
Гордо поступь лаячью храня.
Ты моей понравилась бы маме.
Только нету мамы у меня.
Ты лежишь в ее пустынном кресле,
Где она являлась по утрам,
На меня глядит и молча крестит,
И зовет свечу поставить в храм.
(«В сумерках года»)*

В разделе «Полынь» помещены стихи, названия которых говорят сами за себя: «Канон марта», «И будет март», «День марта», «Ранний апрель», «Майский Спас», «Вечерний июнь», «В середине лета». Я думаю, что такое «посезонное» расположение стихов было автором тщательно продумано. И мне видится в этом его особая творческая задумка. Она состоит в том, чтобы все стихи, помещенные в этом разделе, были единым целым в общем художественном контексте сборника. Автор стремится тесно соединить две стихии: мир окружающей нас природы и внутренний мир человека, зачастую подверженного в наши дни депрессиям и стрессам. Эта нервная «напряженка» переходит из одного стихотворения в другое. Поэт спешит запечатлеть поэтической строкой многие нюансы и оттенки быстро текучей жизни. И чтобы мы вспомнили мудрую философскую фразу: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Как глубокий, облегчительный человеческий вздох звучат вот эти полётные строчки:

*Сколько стрóf сложилось в это время!
Сколько слов на ветер унесло!
Но поэт несёт прозренья бремя
Времени беспамятства назло.
(«Дорожный икос»)*

Трагическим мироощущением нынешней жизни и личной судьбы пронизаны многие стихи Андрея Шацкого. Они терпкие, с привкусом осиновой горчинки. И все же это трагическое состояние преодолимо душой православного человека. Автор не оставляет читателя один на один с внутренней катастрофой в эти критические моменты, а пытается отыскать в душе каждого мерцающий свет надежды на спасение. Он его в буквальном смысле вырывает из губительной бездны уныния:

*Под райский шепот яблочной улады,
Среди по пояс вымахавших трав,
Смирись душой, не требуя награды,
Смирись душой, и будешь трижды прав.*

А смирение, как известно, преодолевает многое. Оно в значительной мере умягчает и нейтрализует разрушительные тенденции темных сил.

Мне хочется обратить внимание читателя на то, как органично звучит шацкий стих в описаниях любого состояния природы, любого времени года. Но все же свое предпочтение он отдает осени. Она ему дороже «поэтической тайною своей». Я имею в виду стихотворение «Осенний манифест», открывающее следующий раздел книги «Будет осень», в котором он откровенно признается:

*Над строкой заветной замираю,
Реквием минувшему творю.
Только год опять несется к маю,
А душа стремится к сентябрю.*
(«Будет осень»)

Тихое местечко Руза, где поэт подолгу живет в отрыве от столичной суеты и имеет возможность внутренне сосредоточиться, что так необходимо творцу, вынашивающему новые творческие замыслы. Провинция имеет свои преимущества перед большими городами. Уединение и одиночество – благодатная почва для любого настоящего художника. Не исключение и поэт Андрей Шацкий. Смею предположить, что, создавая новые произведения в провинции, он наполняет их глубинным дыханием поэтического слова, от которого веет древней сказовой былинностью. И в этом мне видится крепкая корневая основа всего творчества поэта.

С искренней христианской любовью он описывает наши земные радости и страдания, наши восторги и печали:

*И полны лесной водой колодцы,
И стоят бадейки вдоль скамьи.
Трудно с одиночеством бороться,
Если годы минули твои.*

(«В день Успенья»)

Хочется обратить внимание читателя на удивительное стихотворение нашего автора «Лесное», посвященное А. Климову-Южину, его давнему другу. Вот уж где блистает и царит яркий свет русской классической поэзии! А ведь речь в нем идет всего лишь... о сборе грибов, где «И устремляется душа под кроны сосен – в аэр лепший».

Православные мотивы, звучащие в этом сборнике, являются некими духовными скрепами. Без них, как мне кажется, не было бы того полифонического звучания многих стихотворений, о котором я говорил в начале статьи. Автор объединил их в триптих: 1. «Когда настанут Покрова». 2. «Покрова». 3. «В смятении Покрова».

Возможно, в русском уединении он написал вот эти исповедальные и торжественные строки:

*На бранном поле Божьего суда,
Где все решает мужество и вера,
Я знаю – остается реснота.
И исчезает прошлого химера.*

Реснота – это истина, так нам вещает язык Древней Руси. И в этом сборнике есть раздел, названный этим необычным для нас, почти экзотичным словом. Но об этом я скажу чуть позже, а сейчас перейдем к самому сокровенному – к теме любовной.

В разделе «Час до вечной любви» опубликованы стихи подлинно лирические. Они частично напоминают так называемую «тихую лирику», но у Андрея Шацкого она обрела более динамичную, с оттенком трагедийности, совсем другую тональность. Каждое стихотворение этого раздела воспринимается мной как оголенный нерв современной жизни, ее одухотворенные взлеты и губительные падения. Накал страстей достигает кульминационной точки, после которой наступает катарсис. В этих стихах автор являет нам и строгое мужское благородство в отношениях с любимым человеком, и милосердие, и те высшие нравственные качества, присущие православному человеку, вечно кающемуся, носящему свою вину в мятущейся душе и страдающем сердце:

*И не проходит до сих пор вина,
Что забываю, как душа болела,
Когда, коснувшись илистого дна,
Русалочье твое всплывало тело.*

(«Вернуться вспять»)

В стихотворении «Ты – женщина» поэт щедро наделяет ее – представительницу прекрасного пола, совершенно неожиданными сравнениями: «Ты – женщина-праздник», «Ты – женщина-ода», «Ты – женщина-небо!» и, наконец, «Ты – женщина-воздух». И все эти разнообразие сравнения по-своему совершенно уникальны, ибо являют нам чисто шацковский художественный образ женщины. Образ по-юношески возвышенный и романтический.

А вот следующее стихотворение «Сюжет о зимних маргаритках» – совсем не романтическое, оно наполнено до краев и даже переполнено грустными воспоминаниями о несостоявшейся любви, несмотря на то, что его лирическому герою так хотелось любить и быть любимым! И поначалу ему казалось, что он «судьбу превозмог и шел на свиданье – Буслаем на вече». Но возлюбленная охладила страстный пыл поклонника: «И все повторяла, как школьница стих: «Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара». И хоть персонаж этого стихотворения, повторяю, «шел на свиданье – Буслаем на вече», то есть был уверен, что будет любим, но надежды, увы, не оправдались.

Когда я читал это стихотворение, то подспудно возникла мысль: а каким будет финал всей этой ситуации, какими строчками завершится стихотворение? Поэт меня не разочаровал, ибо финал оказался абсолютно непредсказуемым: частный случай стал – общечеловеческим: «Как жаль – не сложился о счастье сюжет, но это в России – обычное дело». Но жизнь идет, и ее не остановишь. И вот настает то время в судьбе каждого человека, когда он мысленно начинает подводить итоги:

*Настало время собирать жнивье
И камни, что разбрасывал повсюду.
Останется – Отечество моё,
Про отчество рассказывать не буду.*

Строка «Останется – Отечество моё» – говорит нам о том, что у поэта будет крупный разговор с самим собой. И я предполагаю, чем он может закончиться – он верит в свое Отечество. Вот оно и останется. А все остальное, и прежде всего отече-

ство, то бишь сама личность творца, может запросто затеряться и даже раствориться в многогослойном потоке времени. И тут я вспомнил гениальные державинские строки: «Река времен в своем стремленье уносит все дела людей. И топчет в пропасти забвенья народы, царства и царей. А если что и остается чрез звуки лира иль трубы, то вечности жерлом пожрется. И общей не уйдет судьбы». И с этой концепцией, на мой взгляд, спорить не стоит.

Я цитирую эти строки потому, что они побудили меня оттенить еще одну существенную грань таланта Андрея Шацкова, чтобы сказать о тех его стихах, что запечатлели отдельные фрагменты нашей достославной истории. К таким стихам относятся: «На Рузском холме», «Реснота», «Майская баллада», «Апостолы России», «Сказ о Сергии», «Тобольск». Они погружают наше сознание в глубь ушедших веков, благодаря чуть ли не мистическому проникновению сквозь время поэтического слова Андрея Шацкова, наделенного от природы чуткой интуицией ощущать древнюю историю именно так, как он ощущает современность. Его талант обладает чувством «связующего звена» разных исторических эпох:

*Когда на Русь текла орда и лях,
И угрожал тевтон клеймёной сталью,
И сеял дождь кровавою печалью,
Чтоб плесенью взошли грибницы плах –
Гремел набат! И трубный выси глас
Рёк истину в скрижалях прописную,
Что будет рядом с Богом – одесную
Тот, кто за други примет смертный час.*

(«Реснота»)

А вот как поэт торжественно-органными строчками славит победу наших жертвенных и героических ратников:

*От вервия сияющих лучей,
Во искупленье посланного Спасом.
И вспыхнут разом тысячи свечей
По всей Святой Руси иконостасам.*

(«На Рузском холме»)

В эту книгу поэт включил стихи-посвящения: «Как жалко, что этих усталых снегов...» – Евгению Сысоеву, «Прощальное» – Н. Ш., «Лесное» – А.Климову-Южину (об этом я писал в начале статьи), «Тобольск» – митрополиту Тобольскому и Тюменскому, «Овстуг» – Дмитрию Мизгулину,

нашим современникам. А также тем, кого уже нет с нами: памяти Юрия Алябова – автора музыки «Марш «Варяга», «Рождественский рекем» – Марине Шацковой, «Орудия к бою» – памяти бабушки З.В. Рудневой, «Проскомидия» – памяти Андрея Романова, «Черный снег» – памяти Владимира Фирсова.

Поэты, посвящая стихи своим современникам, каждый из них, в меру своего таланта, старается запечатлеть в поэтическом слове их незаурядные личности, их физический и духовный облик. В посвящениях Андрея Шацкова видна суровая требовательность к себе как к мастеру. Поэтому хочу отметить, что в его стихах есть удивительная многоцветная ткань поэтического языка, налицо его терпкость и вязкость. Мускулистость и пластичность живой поэтической строки. У поэта нет ни рыхлых, ни расслабленных беллетристических строчек, чем грешат многие нынешние стихотворцы.

Самые покаянные, страдальческие стихи поэт поместил в самый конец книги: «Дорогие мои...», «Сумерки», «Эти годы», «Ода матери», «Он летнею ночью...», «Ночная сторожа», «21 декабря» (полугодины), «Сыну», «Декабрьская исповедь».

*А ранней весною накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскал голубые глаза.
Прощенья простил и ответа.
(«Он летнею ночью ушел навсегда...»)*

Эти строки – неутешный плач о безвременно ушедшем сыне Димитрии. Невозможно удерживать слезы, читая этот прощальный, рвущий сердце стихотворный цикл. Трагической просветленностью потрясло меня стихотворение «21 декабря» (полугодины). Даже каменное сердце не выдержит той пронзительной боли от этих нежных, как прерывистое дыхание ребенка, строк:

*Я помню в ладони ручонку твою,
И кеды – спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достоин
Под нашим с тобой снегопадом.*

В новую книгу Андрея Шацкова «Первозимье» вошли стихи, написанные им в течение последних пяти лет. Без всякой натяжки скажу: он является в наше время верным и последовательным наследником стержневой линии русской класси-

ческой поэзии. И никакой он не «осколок поэзии серебряного века», как любят писать некоторые критики. Быть «осколком» он по определению – быть не может. Он сам по себе. Он цельный, а не осколочный. Он суровый и требовательный мастер современной поэзии XXI века. Творческих тебе радостей, дорогой Андрей!